

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/507/13

Скрытая пружина кооперации начала XX века: сибирские маслоделы в волостном суде

Алексей Константинович Кириллов¹, Евгений Владимирович Почеревин²

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, alkir.nsk@gmail.com

² Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета, Бийск, Россия, pev2@mail.ru

Аннотация. Работа опирается на решения двух волостных судов Томской губернии (Тулинского и Башчелакского) по искам маслоделов против сдатчиков молока; основная часть этих материалов впервые вводится в научный оборот. Авторы раскрывают неявный механизм действия маслодельных артелей начала XX в. В отличие от кооперативного замысла, известного своей демократичностью, успешность западносибирских артелей во многом зависела от принуждения крестьян к вступлению в члены артели и сдаче молока только на данный завод. Принуждение относилось как к тем крестьянам, которые хотели только продать излишки молока, не вступая в члены кооператива, так и к тем, которые осознанно относились к артельному делу, но не хотели быть участниками данного кооператива.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, экономическая история, маслодельная артель, артельный договор, решения волостного суда

Источник финансирования: статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

Для цитирования: Кириллов А.К., Почеревин Е.В. Скрытая пружина кооперации начала XX века: сибирские маслоделы в волостном суде // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 116–124. doi: 10.17223/15617793/507/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/507/13

Hidden mainspring of the early 20th century cooperation: Siberian dairy cooperators in the township court

Alexey K. Kirillov¹, Evgeniy V. Pocherevin²

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, alkir.nsk@gmail.com

² Biysk branch of Altai State Pedagogical University, Biysk, Russian Federation, pev2@mail.ru

Abstract. The article sheds a new light on the Siberian dairy cooperation in the first decades of the 20th century. Creation of the Union of the Siberian Creamery Associations marked a great success of the Siberian dairy cooperatives comparable to that of the Danish ones. The history of Siberian butter making is usually described as a success story. But this approach leaves aside conflicts inside of the cooperatives. Meanwhile an attempt to understand the origin of such conflicts gives us a new understanding of how the Siberian dairy cooperatives gained their force. The research is based on the verdicts of township courts (*volostnoy sud*) – the only source of information about the vast majority of peasants conflicts. Poorly preserved, registers of township court verdicts can occasionally be found in local archives. Registers of two township courts – those of Tulinskaya and Bashchelak (respectively, Barnaul and Biysk counties of Tomsk province) that contain more than 800 verdicts have been taken for study. Analysis of the conflict descriptions contained in the verdicts let the authors state the following. The reality of Siberian cooperative building contradicted considerably to the idea of free-will association of equal partners. Nine out of ten dairy cooperatives (*artel*) mentioned in our documents used to sue peasants for not bringing milk from their cows to the creamery. The *artel* representatives (*doverenniy*) usually enjoyed support of the court, and in the opposite cases land captains (*zemskiy nachal'nik*) used to correct the court verdict upon the appeal of *doverenniy*. The first reason for such suits was contradiction between desire of many peasants to sell their milk to a creamery without taking any obligations and the desire of cooperative leaders to have a certain number of cows fixed to the creamery. Cooperative treaty conditions would allow buying milk from peasants who were not the cooperative members, but in fact even a single transaction between a milk supplier and an *artel* was treated by the *artel* leaders as a reason to enlist the peasant among the *artel* members. Some disputes about true or false enlistment about the cooperative members show us peasants who did think about becoming real cooperative members but they hesitated weighing the pros and cons. This was one of the forms of the second type of conflicts – those between an association and conscious cooperators. Conflicts of this type included as well suits against peasants

who did not question their affiliation with the cooperative, some of them even had acted for some time as *artel do-verenniy*. But later they got disappointed in *artel* and stopped bringing milk. On the one hand, conflicts of this type show that there were pitfalls in the dairy cooperation essential enough to make active cooperators quit their *artel*. On the other hand, they prove that the idea of association was in reality adopted by many peasants which evidently was a favorable factor for the boost of *artel* creameries.

Keywords: late imperial Russia, economic history, dairy cooperation, cooperative treaty, township court verdicts

Financial support: The article is based on the state task "Siberian society as a factor of territorial growth and unity of Russia (late XVI - early XX century)" (FWZM-2024-0007).

For citation: Kirillov, A.K. & Pocherevin, E.V. (2024) Hidden mainspring of the early 20th century cooperation: Siberian dairy cooperators in the township court. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 116–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/13

Сибирское маслоделие начала XX в. – безусловно крупное экономическое явление. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин в записке по итогам своей сибирской поездки рассчитывали впечатлить царя сообщением о том, что сибирское масло даёт России вдвое больше денег, чем сибирские золотые прииски. Как экономическое явление маслоделие интересно не только своим вкладом в ВВП, но и быстрым расцветом: целая отрасль в крупном регионе, значимая на международном уровне, была создана в считанные годы. Этот быстрый подъём опирался на определённую организационную технологию. Самая яркая звезда сибирского маслоделия – Союз Сибирских маслодельных артелей, объединивший сотни кооперативных заводов [1].

Кооперация во второй половине XIX в. – такой же символ прогресса, как паровоз или телеграф. Практическое распространение кооперации по всему миру связано с Рочдейльским кооперативом в Великобритании [2]. Пример англичан был подхвачен немцами [3]; имена Германа Шульце-Делича и Вильгельма Райффайзена были хрестоматийными для кооператоров дореволюционной России [4]. Кооперативные идеи проникли в Россию сразу после их распространения на Западе, массовые попытки воплощения начались с 1860-х гг., а в 1890-е гг. дело дошло до утверждения первых типовых кооперативных уставов. Межреволюционное десятилетие стало эпохой бурного подъёма: сбытовые, потребительские, производственные, кредитные кооперативы стали в России повсеместными [5].

Кооперация – больше, чем способ организации производства. Кооперация – светлая мечта XIX в.: организационная технология, позволяющая развивать современное производство без эксплуатации человека человеком. В кооперативе все его участники – одновременно и собственники, и работники. Многим казалось, что это и есть магистраль развития производства. Американская политическая организация «Орден рыцарей труда» (1869) ставила задачу: «to abolish as rapidly as possible, the wage system, substituting co-operation therefore» («возможно скорее отменить зарплатную систему, заменяя её кооперацией») [6. Р. 136]. Почти полвека спустя автор агитационной брошюры о маслоделии для сибирских крестьян советовал не избирать торговцев артельными доверенными (в руках которых и находилось управление артелью). Совет свой он объяснял так: «Местные торговцы, разбогатевшие крестьяне, будь они даже безупречной честности, как-никак всю жизнь прожили, усматривая, нельзя ли где выручить лишнюю копейку, нельзя ли кого поприжать на

лишний грош. Вся их забота в торговле и хозяйстве лишь в том: каким бы манером округлить свое хозяйство и вылезть на верх прочей серой крестьянской бедноты. А кооперативное дело требует другого: все равны и все должны пользоваться одинаковыми выгодами, никто не должен в товарищеских делах иметь особых преимуществ» [7. С. 30].

За последовавшие полтора века вера в кооперацию как главную движущую силу общественного преобразования поослабла. Но до наших дней создание кооперативных предприятий рассматривается вдохновителями этого дела как путь существования современной экономики, альтернативный монополиям и частному капиталу [8].

Именно в таком свете изучал кооперацию признанный мэтр позднесоветской исторической науки К.Н. Тарновский. В своей последней, написанной в стол и изданной посмертно, монографии он размышлял о «демократическом капитализме» как одной из альтернатив российской истории начала XX в. [9].

Тарновский, с присущим столичным историкам европоцентризмом, про сибирское маслоделие не упоминает. Это упущение восполняется работами и современников, и историков. Уже в 1902 г. вышел специальный очерк кооперативного маслоделия в Западной Сибири [10] – безусловно благоприятный по отношению к кооператорам, но не скрывающий трудностей этого дела и из-за внутренних пороков артелей, и из-за конкуренции со стороны частных заводчиков. Этот подход – сочувствовать, но показывать трудности – закрепила гораздо более обстоятельная книга Н.П. Макарова (будущего профессора-экономиста, а на момент выхода книги – студента Московского университета) [11]. В советское время, уже при нэпе, маслодельная кооперация оказалась не в чести. Один из современных историков иллюстрирует официальную оценку позднего нэпа предисловием Л.С. Сосновского (деятели из круга Л.Д. Троцкого) к книге агрономов И.Ф. Степаненко и М.П. Комкова [12]. Упрёки маслодельной кооперации состояли в том, что она «имела торгашеский характер», и «полностью отсутствовала кооперативная демократия» [13. С. 20]. Такую же оценку даёт в одной из своих монографий Л.М. Горюшкин, именно с изучения крестьянства (дореволюционного) начинавший свой путь в Академию наук. Автор сообщает, что «кулаки использовали маслодельческую кооперацию» в их собственных интересах – «для увеличения своих капиталов путем привлечения средств середняков» [14. С. 209–211, 286–287]. Переводя с языка советской

эпохи, мы понимаем, что это намёк на неравноправие членов кооперативов. Но каким образом кооператив, в котором по уставу все равны, превращается в орудие эксплуатации тружеников предпринимателями? Этого советские историки не раскрывали.

Не объясняет этого и постсоветская историография сибирского маслоделия, в целом панегиричная. Лишь иногда читатель обнаруживает подробности, не соответствующие общему благостному настроению. Авторы статей пишут про «суеверия крестьян», нередко враждебно относившихся к маслодельным заводам, а иногда и устраивавшим настоящие маслодельные погромы [15, 16]. Историки с удовольствием цитируют передававшиеся крестьянами бредовые слухи о вреде сепараторов, но в том, что касается объяснения причин, не уходят дальше указания на различие материальных интересов у тех, кто сдаёт молоко на завод, и у тех, кто (по бедности) не сдаёт. Подразумевается, что все участники кооперативов оказываются по одну сторону баррикады; водораздел проходит за пределами кооперации.

В чём-то современные авторы, вроде бы, повторяют выводы С.П. Швецова – известного общественного деятеля и знатока крестьянской жизни. Это он уже в 1902 г., по горячим следам и со ссылкой на местных деятелей, использовал понятие «молочные бунты» [17]. Действительно, Швецов подытоживал поиск причин этих «диких и жестоких» погромов выводом о «столкновении примитивных форм хозяйства и общих условий жизни сибирской деревни с ворвавшимся в нее в виде маслоделия капитализмом, порожденным где-то там, на стороне, до сих пор чуждыми этой деревне условиями и потому мало для нее понятными».

В то же время, очерк Швецова создаёт более сложную картину за счёт мелких наблюдений, оставляемых автором в стороне от чётко сформулированных выводов. Швецов описывает рознь между крестьянским большинством и приехавшими из города маслоделами, инициаторами кооперативов. Что бы мы ни думали о причинах этой розни, в качестве сухого остатка швецовских описаний мы имеем факт: вражда крестьян распространялась не на кооператоров вообще, а на инициаторов кооперативов, которые были чужими для крестьянской массы и по месту предыдущего проживания, и по образу жизни (более близкому к «барскому» укладу). Простые кооператоры во всех погромных историях присутствуют лишь как фон, подразумеваемый, но не играющий роли. Кооператив перестаёт быть содружеством равных, начинает проглядывать нечто иное.

И мы вновь оказываемся перед вопросом о существовании этого внутрикооперативного неравенства. Зацепка для ответа содержится в уже упомянутой книге Н.П. Макарова. Говоря о нередко встречаемой неспособности кооператоров вести дело в конкуренции с частными заводчиками, автор в качестве воодушевляющего примера приводит один кооператив Тарского уезда, который уже стоял на грани закрытия, «но в это время нанимают нового доверенного, который, действуя “на корень вещей” путем строгого контроля,

штрафов, временного исключения, упорядочения отчетности, через месяц поправил дела кооперации» [11. С. 81]. Конечно, распорядительность необходима для всякого предприятия. Но наличие кнута там, где, казалось, всё решается пряником, обращает на себя внимание. Мы получаем ещё одно звено цепи, конец которой пока скрыт от нашего взора. Одновременно мы получаем и намёк, где искать: там, где разбираются споры о штрафах – в суде.

Суд, разбирающий споры между крестьянами в до-революционной России – это волостной суд: трое или четверо выбранных крестьян выносят решения, волостной писарь записывает их в специальную шнуровую книгу. Ежегодно в пореформенной России составлялись тысячи «Книг на записку решений волостного и третейского суда», в каждой из западносибирских книг начала XX в. – сотни решений по разнообразным вопросам крестьянских отношений [18, 19]. Лишь малая часть этих документов сохранилась: не в каждом областном архиве есть хотя бы одна полная книга. Обработка тех, что сохранились – дело не быстрое: требуется сплошная расшифровка сотен листов, писанных поспешным писарским почерком. Дело осложняется тем, что сами по себе записи решений составлены не для того, чтобы исчерпывающе передать суть дела, а для того, чтобы выполнить тягостную формальность. Тем не менее, первые же две «Книги на записку решений», оказавшиеся в наших руках – по Тулинской волости (Барнаульский уезд) за 1914 г. и по Башцелакской волости (Бийский уезд) за 1909 г. – дали нам новое понимание конфликтов вокруг маслодельной кооперации.

Двадцать шестого сентября 1914 г. Тулинский волостной суд разбирал дело по иску Тулинской маслодельной артели против крестьянина Ефима Григорьевича Зеленцова ценой в 30 рублей (решение № 132) [20. Л. 179 об.–182]. Доверенный артели, тулинский же крестьянин Василий Киприанович Гуляев, в обоснование своей позиции представил договор от 21 декабря 1913 г., «в котором между прочим – п[ункт] 5 выражено: Мы товарищи обязуемся дружно вести дело во взаимной пользе, молоко от своих коров не сдавать на какой-либо другой завод. Если же кто-либо из нас начнет свое молоко сдавать на другой какой-либо завод, то обязан уплачивать <...> неустойки по 5 руб. с каждой коровы и что ответчик Ефим Зеленцов действительно значится вписанным в договоре с 6 шт. коров от коих молоко[,] как объясняет доверенный[,] Зеленцов не сдает».

Ответчик пытался отклонять обвинение, отрицая сам факт своего участия в кооперативе. Но, как видно, доверенный припомнил ему кое-что, в результате чего Зеленцову пришлось дать уточнение, проливающее новый свет на положение дел с кооперацией в селе Тулинском. Вот как выглядит вся запись его показаний: «Ответчик кр[естянин] Ефим Григорьев Зеленцов объясняет, что он потому не сдает молоко от своих 6 коров маслодельной артели в с. Тулинском что [участ-

зовать] в компании маслодельной артели не соглашался, а внесли его как неграмотного самовольно. Добавил[.] что коров в маслодельную артель велел записать сам, только не соглашался под пункт условия соглашений неустойки[.] почему и не считает себя обязанным платить».

Дополнительное показание, заключённое в последнем предложении, меняет картину почти на противоположную! Оказывается, записаться в артель крестьянин хотел, но – на особых условиях. Однако «в чужой монастырь со своим уставом не ходят»: волостные судьи присудили победу доверенному артели. Едва ли хоть раз получив деньги от артели, незадачливый кооператор уже потерял сумму, равную цене коровы!

Решение по делу Зеленцова полезно тем, что вызывает сомнения, одолевавшие крестьян в связи с маслодельными кооперативами. Они были непрочь участвовать в этом деле, но не хотели брать на себя кабальные обязательства, оформленные неустойкой. При таком подходе очевидно, что крестьянин рассматривает свои отношения с кооперативом как куплю-продажу товара, а не как участие в деле. Он рад получить деньги за лишнее молоко, но не рассматривает интересы артели как свои интересы. Остаётся, правда, не вполне понятным, проявляется ли таким образом природная осторожность, или сдатчик молока видит перед собой действительную возможность продать свой ценный товар в другие руки.

Несомненный ответ на этот вопрос дают два случая из башчелакского опыта. Первый из них – это дело по иску Покровской маслодельной артели против Ипата Фёдоровича Немцева (решение № 214) [21. Л. 178 об.–181]. Для начала нас интересует только один сюжет из этого дела. Свидетели показали, что «он Немцев сдавая молоко на частный завод, расстраивает артельщиков, предлагая отказаться от артели и сдавать молоко с ним вместе на частный завод в видах выгоды». Близкую формулировку находим и в деле Пономарёвской артели против Перфила Макарова (решение № 333) [21. Л. 277 об.–279]. Ответчик «объяснил, что молоко не стал носить вследствие того, что он нуждался в деньгах и стал носить молоко на купеческий завод». Итак, рядом с артельными заводами действительно существуют частные «купеческие» предприятия, которые платят то ли больше, то ли аккуратнее – в общем, платят лучше.

В ту же строку надо поставить и дополнительные расходы артели, которые доверенные тоже пытаются взыскать с ответчиков: это плата «за возку льда», которую выполняют местные же крестьяне. Цена доставки льда кажется незначительной по сравнению с размером неустойки: десятки копеек на фоне десятков рублей штрафа – и тем не менее эти копейки взыскиваются неукоснительно. Это, конечно, характеризует вездичность артельного руководства, но это и даёт представление о той стороне дела, наличие которой новоиспечённые артельщики, вероятно, осознавали не сразу. Когда крестьяне, желающие получать деньги за своё

молоко, соглашались «записаться» в артель, вряд ли организаторы ставили им на вид необходимость регулярно отчислять деньги на покрытие текущих расходов артели. Такая «ловкость рук» кооператоров должна была вызывать у сдатчиков раздражение тем большее, что на частных заводах такого, конечно не было.

Теперь мы можем сказать уже уверенно, что система штрафов – это орудие в действительно существующей острой конкуренции маслодельных заводов. Для артельных руководителей это средство закрепления за собой сдатчиков молока, причём такое средство, которое обеспечивало им преимущество перед частными предпринимателями, не имевшими права закабалить своих сдатчиков юридически. Частникам оставалось лишь заманивать сдатчиков более высокой ценой, на что, очевидно, и рассчитывали крестьяне, не желавшие давать обязательство сдавать молоко непременно в одну и ту же артель.

Зачем же в таком случае сдатчики вообще приходили в артель? Напрашивается предположение, что и кооператоры время от времени приманивали владельцев молока повышенными ценами, которые затем снижались. Впрочем, ещё одно судебное решение может дать нечто новое для размышления над этим вопросом.

Речь идёт об иске Тулинской маслодельной артели против сразу пяти «крестьян членов артели» (решение № 35; в исковом заявлении значилось шестеро, но претензии к одному из них были сняты, пока заявление ждало суда) [20. Л. 55 об.–58]. Сумма иска против каждого из крестьян составляла от 10 до 20 рублей соответственно числу имеющихся коров (по 5 руб. за каждую). Прегрешение ответчиков доверенный артели, судя по записи, формулировал так: «самовольно ушли с артели[.] чем и нарушили договор». На самом же деле, как и в случае Зеленцова, спор был в другом: вступали или не вступали. Это ясно видно из показаний ответчиков. Крестьяне «заявили, что они к договору в артель не подписывались а мы только спрашивали сколько у них имеется коров в артель же они не соглашались и сейчас не согласны и если бы были согласны, то Кладов как грамотный должен бы сам расписать[ь]ся, а неграмотные – просить кого-либо расписать[ь]ся». Несмотря на путаницу с «мы» и «они», ясно, что всё это предложение передаёт реплики ответчиков. Насколько точно это куцее писарское описание отражает обсуждавшиеся вопросы – можно сомневаться, но общую картину происходившего мы получаем: крестьяне приходили к руководству артели разведать условия, на которых возможно сотрудничество, и сухой остаток этого разговора трактуется сторонами различно.

Крестьянское «в артель не соглашались» высказано вполне определённо, однако случай Зеленцова заставляет относиться к этим словам с сомнением. Кстати, и в этом случае один из ответчиков носил фамилию Зеленцов (Фома): уж не родственник ли Ефима, требовавшего себе персональных условий?

Отсутствие подписей «за неграмотных» – тоже довод не очень сильный. Это правда, что по-хорошему за неграмотного должен был расписаться кто-то другой. Но те же книги решений волостных судов показывают, что правило это соблюдалось не всегда.

А вот отсутствие подписи грамотного Константина Кладова – другое дело. Кто грамотный, а кто – нет, в деревне было известно отлично. Фамилия Кладова под договором без его собственноручной подписи была бы явной махинацией, поэтому записать его на собственное усмотрение доверенный никак не мог. Отсутствие же подписи показывает, что Кладов действительно не согласился. И поскольку истец не выделял Кладова из общего ряда ответчиков, то степень стремления всех ответчиков в артель была, надо думать, одинаковой. Отсутствие подписи Кладова – убедительное доказательство того, что трактовка артельным доверенным разговора с крестьянами как их желания вступить в артель была произвольной. Именно так и рассудил суд, отказав истцу.

Можно полагать, что победа ответчиков в данном случае зависела только от грамотности Кладова. В таком случае зачем доверенный включал его в иск – по недосмотру? Или был уверен, что разговор важнее подписи, что Кладова удастся пересилить? Это вопрос не праздный. Потому что доверенному действительно удалось пересилить – хотя и не Кладова, но зато всех остальных ответчиков по этому делу. Отказное решение волостных судов он обжаловал крестьянским начальникам, и те отменили решение волостного суда!

Лишь три из почти двухсот решений Тулинского волостного суда за 1914 г. были отменены крестьянскими начальниками. Образованные чиновники, люди причастные к городской культуре, старались без крайней нужды не вмешиваться в то, как крестьяне налаживают свою деревенскую жизнь. Но в случае Кладова и товарищей нужда, как видно, была крайней. Постановлением от 31 октября 1914 г. начальники постановили Кладова признать невиновным, а с остальных взыскать требуемую истцом сумму.

Это могло бы стать не очень неожиданным для тех, кто знал то, о чём рассказывал уже упоминавшийся Н.П. Макаров. «Сначала, – пишет он, – [волостной] суд не считался с кооперацией как с юридическим лицом, обладающим своими обычными правами», но затем «экономической секцией Томского съезда маслоделов 1907 г. было принято следующее положение: «Высказать пожелание о возбуждении съездом ходатайства о предложении крестьянским властям не препятствовать устройству кооперативных маслоделен» [11. С. 98]. Стремление автора, горячего поборника кооперации, изобразить чёрно-белую картину, сильно влияет на подбираемые им глаголы: «суд не считался с кооперацией» – это, очевидно, намёк на такие решения, как по делу Кладова и товарищей. Но главное ясно: кооператоры, пользуясь наличием у них отраслевых представительных органов, обратились к властям через голову всех волостных судов вместе взятых. Это обращение, очевидно, не осталось безрезультатным.

Что нового даёт случай Кладова и товарищей для понимания внутренних процессов в маслоделии?

Прежде всего, мы имеем ещё одно свидетельство о том, что принуждение к вступлению в артель было делом не единичным. Но главное – важно присмотреться к объяснению ответчиков о цели их прихода к доверенному. Если бы смысл их действий был такой же, как у Ефима Зеленцова, то они должны были бы спрашивать, по какой цене предлагается сдавать молоко. Но они спрашивали другое – «сколько у них имеется коров». «У них» в данном случае – это те, кому противопоставляют себя ответчики: сама артель. Количество коров в артели имеет значение лишь для тех, кто собирается в эту артель вступать по-настоящему. Ф. Холмогорский объяснял в своей брошюре: «опытными людьми в деле переработки молока в Сибири считается безопасным начинать дело, если домохозяева, заявившие о своём участии в артели, имеют коров 200–250. Такое количество коров дает возможность вести дело и окупать все расходы, связанные с содержанием завода» [7. С. 14–15]. В Дании, примером которой вдохновлялись российские маслодельные кооператоры [22], минимум стоял ещё выше: 400 коров [23]. Очевидно, что тулинские крестьяне, выспрашивая количество коров в создаваемой артели, хотели оценить её жизнеспособность. Они могли бы стать не безразличными к общему делу сдатчиками, а настоящими кооператорами. И даже такие люди попадали под гребёнку штрафного затягивания в артель – затягивания, опиравшегося на поддержку государственной власти в лице крестьянских начальников.

По поводу поддержки власти требуется уточнение: хотя большинство исков маслоделов против сдатчиков молока заканчивалось победой артельных доверенных, известны и обратные случаи. Бащелакский суд, рассматривая 15 июля 1909 г. серию из четырёх исков Мало-Бащелакской артели о неустойках, отклонил иск ценой в 40 рублей к Еремею Петрову с его четырьмя коровами, «имея в виду, что у Петрова в настоящее время полное расстройство хозяйства, почему ему нет возможности выполнять договора» (решение № 325) [21. Л. 268 об.–269]. Следующий иск, ценой 30 рублей, закончился мировой сделкой: «ответчик Фролов предложил получить доверенному 10 рублей, на что последний согласился» (решение № 326) [21. Л. 268 об.–270]. Дело вовсе не в доброту доверенного: буквально перед тем он требовал с Елизара Феклистова 50 рублей за 5 коров безо всяких поблажек (решение № 324) [21. Л. 267 об.–268]. Почему же в случае Фролова он пошёл на уступку? Может быть, и Пётр Фролов с его жалкими по сибирским меркам тремя коровами имел основания жаловаться на слабость хозяйства, и доверенный решил не рисковать, предпочёл «синицу в руках»? А в следующем деле тот же доверенный вновь взял с ответчика (Илья Плотников) сполна 50 рублей, запрошенных изначально (решение № 327) [21. Л. 269 об.–270]. Видимо, Плотников никак не мог претендовать на скидку по бедности.

В ту же строку можно поставить апрельское решение того же года по уже упоминавшемуся спору между

Покровской артелью и Ипатом Немцевым. Оказывается, что спор этот был оформлен не одним, а двумя исками (решения № 214 и 215) [21. Л. 178 об.–182]. «Доверенный <...> просит взыскать с кр[естьянина] Ипата Немцева за нарушение маслодельного договора 70 рублей по числу 7 дойных коров» – содержание жалобы формулируется в двух подряд решениях настолько одинаково, что порождает недоумение: не повтор ли это, не ошибка ли? Но нет – изложение дела показывает, что ошибки нет. Просто у Немцева было не 7 коров, а 14, и неустойка должна была составить 140 рублей. Артель разбила эту сумму на два иска, чтобы пролезть под 100-рублёвую планку исков, подсудных волостному суду. Судьи пресекли эту хитрость, но так, чтобы не слишком обижать артель: удовлетворили первый из исков, отклонив второй «по неподсудности».

В графе ознакомления с решениями суда доверенный Покровской артели расписался под словами о том, что он решением суда «доволен». И даже отказное решение по иску Мало-Башцелакской артели к Еремее Петрову тоже осталось без обжалования: доверенный, значит, понимал, что доводы ответчика убедительны. И в целом, несмотря на некоторые попытки учесть особые обстоятельства крестьян, волостной суд всё-таки действовал как надёжное орудие принуждения крестьян к сдаче молока на артельные заводы. При всей той разнице между пострадавшими сдатчиками молока, о которой шла речь выше, складывается представление о ярко выраженном противостоянии между артельным руководством (доверенными) и массой простых артельщиков, которых эти руководители с помощью штрафов удерживают в артели.

Поправки в это представление вносит всё тот же случай Ипата Немцева. Дело в том, что Немцев, по объяснению свидетелей, не просто стал носить молоко на частный завод вместо артельного, но стал «расстраивать» артельщиков, «предлагая отказаться от артели и сдавать молоко с ним вместе на частный завод в видах выгоды[,] чем и желает подорвать интересы артели» [21. Л. 180].

В своей «агитационной работе» Немцев был не один. Прямо перед его делом разбирался иск той же Покровской артели против Федота Родионова (решение № 213) [21. Л. 177 об.–178]. Доверенный артели требовал с крестьянина 90 рублей. Дело закончилось заранее подготовленной «миролюбивой сделкой» с необычным условием: «доверенный Колмаков по предложению членов артели иск свой 90 рублей с Родионова прекратили в видах отказа последнего от артельного завода навсегда. Ответчик Родионов отказавшись обязался не вмешиваться в дела артельного завода». Первое, что здесь бросается в глаза – это уточнение о том, что уступка Родионову сделана по предложению членов артели. Очевидно, это предложение не соответствовало мнению доверенного, и он не упустил на заседании выказать свою досаду.

Главное же, что удивляет в приведённой цитате – это «обязался не вмешиваться»: не подходящая формулировка для описания отказа от сдачи молока. При всей неуклюжести иных писарских выражений надо думать, что за этими словами действительно стоит активное участие Родионова в спорах о Покровском маслодельном заводе. Одного отказа от этого «вмешательства» было, как видно из сопоставления с делом Ипата Немцева, недостаточно для того, чтобы артель отказалась от иска. Притом Федот Родионов был в Покровке не полноправный член общества, а лишь «временно проживающий» – значит, переселенец, да ещё и непокладистый (в том же году он тягался с Покровским обществом о полетках – платежах за пользование усадьбыным местом и пастбищами) (решение № 216) [21. Л. 182 об.–184]. При таких условиях различное отношение артельщиков к Родионову (которого простили) и Немцеву (которому назначили большой штраф) можно объяснить лишь тем, что Немцев более резко противопоставил себя артели.

По-видимому, это зависело не только от того, что он говорил крестьянам, но и от того, какое положение занимал накануне разрыва с артелью. В апрельском 1909 года споре о плате за возку льда (решение № 219) Ипат Немцев назван бывшим доверенным артели! [21. Л. 187 об.–190]. Раз Немцев был доверенным, его уж точно не зачислишь в «записанных обманом»: он, значит, был настоящим членом кооператива, притом деятельным. Наконец мы имеем ответчика, который не может отказаться от своего имени под договором.

Правда, при таком подходе появляется недосказанность: почему Немцев, решив не иметь больше дела с этой артелью, не вышел из неё законным порядком? Порядок выхода из артели надо искать в её уставе. Покровский устав до нас не дошёл, зато известен устав Мало-Башцелакской артели [24. Л. 1–1 об., 5–7 об.]. Существенная роль, которая отводится в нём правительственному инструктору, показывает, что документ составлен при участии чиновников, и значит, это типовый устав. Можно думать, что как минимум в Башцелакской волости, а скорее всего, и во всей Томской губернии, артели были устроены на тех же основаниях. Согласно этому документу выход из артели в течение первых пяти лет возможен только при уплате неустойки. При таком условии логично, что Немцев, разочаровавшись в кооперации, не ушёл молча, а стал бороться: смирение не избавило бы его от неустойки.

Мы не знаем, кому проиграл Ипат Немцев в этой борьбе – такому ли же, как он сам, богатому крестьянину, или маслодельному мастеру, который, возможно, был инициатором Покровской артели. Мы не можем сказать уверенно, пытался ли Ипат Немцев использовать артель для того, чтобы, по выражению Ф. Холмогоровского, «поприжать на лишний грош» своих односельчан, или, напротив, пытался бороться против такого «прижимания» со стороны более влиятельных членов кооператива. Но мы видим, что даже доверенные не были застрахованы от того, чтобы попасть под действие штрафа за уход из артели. По-видимому, идея артельного маслоделия действительно возбуждала у многих крестьян надежды, побуждавшие

их вкладывать в общее дело свои силы и душу. Тот слой незадачливых кооператоров, с которым мы впервые столкнулись в деле Кладова и товарищей, благодаря делу Немцева приобретает дополнительный вес. Становится ясно, что эта «незадачливость» не обязательно появляется сразу; периоду разрыва с артелью может предшествовать период энергичного участия в делах артели.

Но и на этом не заканчивается разнообразие явлений из жизни маслодельной кооперации, которые открываются решениями волостных судов. Башчелакские материалы дают основание выделить разные типы артелей по их отношению к обладателям лишнего молока.

Спор между 2-й Больше-Башчелакской артелью и Павлом Серковым (решение № 330) выглядит поначалу как обычный спор из серии «записан / не записан»: «Доверенный 2-й Маслодельной артели дер. Б[ольшого] Башчелака Ерофей Чернаков просит взыскать с члена артели Павла Серкова неустойки по числу дойных коров 20 руб. и расходов понесенных по заведению завода 32 коп.» [21. Л. 274–275].

Но уже в формулировке позиции ответчика проглядывает нечто новое: «он согласия своего быть членом 2-й артели не давал, так как он записан в 1-ю артель Большого Башчелака, куда и сдавал все время молоко». Необычно, что у ответчика есть довод не только отрицательный («я не записывался»), но и положительный («записан и сдаю молоко в другую артель»). В подтверждение этого Серков представил «удостоверение 1-й артели». Тем не менее, суд решил дело в пользу истца, потому что «Серков в 1-й артели членом не состоит, а лишь как частный сдатчик молока, что же касается [того], что он записался членом открытой артели лавки, то это не препятствует и не может быть причиной (на какую и основывается ответчик) состоять в той или другой артели».

Суд, таким образом, поступил по шаблону, выгодному маслоделам. Но крестьянские начальники, обычно требовавшие от судов именно таких решений, решение по делу Павла Серкова отменили (и это была одна из всего девяти отмен на 630 башчелакских решений, состоявшихся в том году). Логику крестьянских начальников можно понять. По существу, они воплотили здесь то же правило, что и в других случаях: если человек сдавал молоко, он – член артели. В других случаях это правило работало против крестьян (которых присуждали к штрафам), здесь (благодаря наличию конкурирующих артелей) неожиданно сработало за крестьянина. Своеобразие этого случая состояло, по всей вероятности, в том, что крестьянин успел сдать молоко и в 1-ю артель, и во 2-ю; крестьянские начальники, по-видимому, отдали предпочтение той артели, которая получила молоко первой.

Чем эта история важна для нас: оказывается, что в маслодельной артели всё-таки могли быть и обычные сдатчики молока, не члены артели. С учётом уже известного нам типового устава этот факт не должен был

бы нас удивлять. Второй пункт этого документа оговаривает исключительно добровольное вступление, с обязательным подписанием договора. И более того – уже в примечании к первому пункту читаем: «Артель может покупать молоко и со стороны, но только от лиц, которые почему-либо не хотят быть членами артели» [24. Л. 1]. Но мы-то уже видели в судебных решениях стремление маслоделов записать членом артели любого сдатчика. Итак: пункт о сторонних сдатчиках в уставе был, но не работал. Очевидно, что в деле Павла Серкова – в отличие от всех прочих – этот пункт сработал (после судебного вмешательства) только потому, что возникла конкуренция между артелями.

Размышляя над тем, почему она возникла, полезно учесть особенность 1-й Больше-Башчелакской артели, которая бросается в глаза при изучении перечня всех судебных дел тулинских и башчелакских маслоделов: из десяти артелей¹ это единственная, которая ни разу не выступает с исками против крестьян, зато трижды оказывается ответчиком по крестьянским искам. В одном случае артель добровольно согласилась уплатить деньги (решение № 597) [25. Л. 198 об.–199]; ещё в одном случае мировая сделка была заключена до суда (решение № 347) [21. Л. 291 об.–293]. Лишь один иск артель выиграла – это иск о разбавленном молоке, который только подтверждает порядочность руководителей артели по отношению к сдатчикам (заподозрив одного в разбавлении молока, они сначала подтвердили свои подозрения пробной дойкой, и лишь затем наказали сдатчика пониженной ценой) (решение № 497) [25. Л. 99 об.–102]. По всей видимости, 1-я Больше-Башчелакская артель являла редкий пример воплощения кооперативного идеала. Само появление 2-й артели (которая, конечно, была второй не только по названию, но и по времени появления) выглядит как «заполнение экологической ниши хищника». По-видимому, агрессивные методы борьбы за сдатчиков позволяли не только создавать предприятие в «маслодельно девственных» местах, но и вторгаться на уже занятую площадку.

Подведём итоги. Только благодаря решениям волостных судов мы можем уяснить значение фактора принуждения к участию в кооперативе для расцвета кооперативного маслоделия в Западной Сибири начала XX века.

Орудием этого принуждения были штрафы за несдачу молока в сочетании с принудительной записью в артель всех, кто так или иначе дал повод считать себя связанным с артелью. В артельных уставах пункты о штрафах воспринимаются как нечто второстепенное, как оговорка на какой-то маловероятный случай. На деле оказалось, что это регулярно используемое правило, один из главных столпов артели. Напротив, возможность приёма молока от посторонних сдатчиков, прямо прописанная в уставах, на деле не использовалась. Вместо этого любой факт сдачи молока, факт переговоров о вступлении в артель рассматривался как доказательство участия в артели.

Конфликт коренится в противоречии интересов сторон. Владельцам коров в условиях конкуренции маслоделов за молоко было выгодно сохранить возможность менять покупателя. Маслоделам же для обеспечения окупаемости завода требовалось обеспечить гарантированный минимум сырья.

Это и создавало напряжённую обстановку, постоянно требовавшую вмешательства судейского авторитета. Но вот что интересно: «маслодельные бунты» после 1902 г. уже не повторялись. Данные волостных судов объясняют и этот удивительный факт. Дело в том, что отношение сдатчиков молока к артели не сводилось только к логике «ты догоняешь – я убегаю». Часть крестьян, включая богатых, осознанно включалась в новое дело, что не мешало некоторым из них в дальнейшем оказываться в состоянии открытого конфликта с артелью. Успех артелей, таким образом, опирался не

только на хитрый замысел заводчиков-организаторов, но и на рвение значительной части крестьян, привлечённых идеей, увлекавшей многие миллионы людей в разных странах.

Наконец, пример двух Больше-Башчелакских артелей позволяет сформулировать удовлетворяющую имеющимся материалам гипотезу о том, что само артельное движение оказывается не однородным: наряду с агрессивными артелями существовали и «истинно кооперативные», которые не принуждали сдатчиков молока к вступлению в артель. Такие артели были менее многочисленны, более уязвимы для атак со стороны агрессивных конкурентов, и по-видимому, приносили более раннему этапу развития кооперации. Так идея кооперации приспосабливалась, подгонялась под людей и нравы западносибирской деревни капиталистической эпохи.

Примечания

¹ В наших документах упоминаются 26 исков, в которых участвуют артели: по Тулинской волости – Бороздинская (решение № 29) и Тулинская (35, 132), по Башчелакской – Покровская (213, 214, 215, 219), Сосновская (249, 387), Больше-Башчелакская 1-я (298, 330), Больше-Башчелакская 2-я (347, 497, 597), Мало-Башчелакская (143, 322, 324, 325, 326, 327), Пономаревская (333), Сентелекская (470, 473, 474, 553), Усть-Тулатинская (510).

Список источников

1. Чайковский Н.В. Кооперативное дело в Сибири: Союз сибирских маслодел. артелей. СПб. : С.-Петербург. отд-ние Ком. о сел. ссудосберегат. и пром. т-вах, 1914. 56 с.
2. Holyoake G.J. The history of the Rochdale pioneers. 1844–1892. 3d edition revised and enlarged. London: Swan Sonnenschein & Co, Lim. New-York : Charles Scribner's Sons, 1900. 192 p.
3. Notz, Gisela. Genossenschaften. Geschichte, Aktualität und Renaissance. Stuttgart : Schmetterling Verlag, 2021. 266 S.
4. Николаев А.А. Кооперация. (О том, как сообща можно выгоднее устраивать свои дела). 2-е изд. СПб., 1908.
5. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 391 с.
6. Gourevitch A. From Slavery to the Cooperative Commonwealth: Labor and Republican Liberty in the Nineteenth Century. Cambridge University Press, 2015. 220 p.
7. Холмогорский Ф. Как выгоднее вести молочное хозяйство. Маслодельные артели. М. : Типография т-ва И.Д. Сытина, 1914. 60 с.
8. Williams, Richard C. The cooperative movement: globalization from below. Ashgate Publishing Limited, 2007. 230 p.
9. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М. : Наука, 1995. 269 с.
10. Мурашкинцев А.А. Кооперативное маслоделие в Западной Сибири. СПб., 1902. 26 с.
11. Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М., 1910. 205 с.
12. Степаненко И.Ф., Комков М.П. Сибирское маслоделие. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1928. 201 с.
13. Николаев А.А. Историография сибирского маслоделия первой трети XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 3. С. 18–23.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
15. Скобелев К.В. «Молочные бунты» в Сибири в начале XX в. // Омский научный вестник. 2010. № 3 (88). С. 17–20.
16. Ермачкова Е.П. Кооперативное маслоделие в исторической локалистике Приишимья рубежа XIX–XX столетий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 167–172.
17. Швецов С.П. «Молочные бунты» в Сибири и их причины // Русское богатство. 1902. № 3. С. 96–118.
18. Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск : Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина, 2013. 286 с.
19. Гордеева М.А. Делопроизводственная документация Тулинского волостного суда как источник изучения крестьянства Западной Сибири начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 107–111.
20. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 204.
21. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 182. Оп. 1. Д. 85.
22. Каратыгин Е.С. В стране крестьянских товариществ. Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1913. 165 с.
23. Henriksen I., Hviid M., Sharp P. Law and Peace: Contracts and the Success of the Danish Dairy Cooperatives // The Journal of Economic History. March 2012. Vol. 72, № 1. P. 197–224.
24. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 146.
25. ГААК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 84.

References

1. Chaykovskiy N.V. Kooperativnoye delo v Sibiri: Soyuz sibirskikh maslodel. arteley. SPb. : S.-Peterb. otd-niye Kom. o sel. ssudosberegat. i prom. t-vakh, 1914. 56 s.
2. Holyoake G.J. The history of the Rochdale pioneers. 1844–1892. 3d edition revised and enlarged. London: Swan Sonnenschein & Co, Lim. New-York : Charles Scribner's Sons, 1900. 192 p.
3. Notz, Gisela. Genossenschaften. Geschichte, Aktualität und Renaissance. Stuttgart : Schmetterling Verlag, 2021. 266 S.
4. Nikolayev A.A. Kooperatsiya. (O tom, kak soobshcha mozno vygodneye ustraiivat' svoi dela). 2-e izd. SPb., 1908.
5. Korelin A.P. Kooperatsiya i kooperativnoye dvizheniye v Rossii. 1860–1917 gg. M. : ROSSP-EN, 2009. 391 s.
6. Gourevitch A. From Slavery to the Cooperative Commonwealth: Labor and Republican Liberty in the Nineteenth Century. Cambridge University Press, 2015. 220 p.

7. Kholmogorskiy F. Kak vygodneye vesti molochnoye khozyaystvo. Maslodel'n-yye arteli. M. : Tipografiya t-va I.D. Sytina, 1914. 60 s.
8. Williams, Richard C. The cooperative movement: globalization from below. Ashgate Publishing Limited, 2007. 230 p.
9. Tarnovskiy K.N. Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v. M. : Nauka, 1995. 269 s.
10. Murashkintsev A.A. Kooperativnoye maslodeliye v Zapadnoy Sibiri. SPb., 1902. 26 s.
11. Makarov N.P. Krest'yanskoye kooperativnoye dvizheniye v Zapadnoy Sibiri. M., 1910. 205 s.
12. Stepanenko I.F., Komkov M.P. Sibirskoye maslodeliye. Novosibirsk : Sibkrayizdat, 1928. 201 s.
13. Nikolayev A.A. Istoriografiya sibirskogo maslodeliya pervoy trety XX v. // Gumanitarn-yye nauki v Sibiri. 2019. T. 26, № 3. S. 18–23.
14. Goryushkin L.M. Sibirskoye krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Novosibirsk : Nauka, 1967. 412 s.
15. Skobelev K.V. «Molochn-yye buntY» v Sibiri v nachale XX v. // Omskiy nauchnyy vestnik. 2010. № 3 (88). S. 17–20.
16. Ermachkova YE.P. Kooperativnoye maslodeliye v istoricheskoy lokalistike Priishim'ya rubezha XIX–XX stoletiy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 9 (162). S. 167–172.
17. Shvetsov S.P. «Molochn-yye buntY» v Sibiri i ikh prichiny // Russkoye bogatstvo. 1902. № 3. S. 96–118.
18. Pocherevin YE.V. Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altayskom okruge (konets XIX v. – 1917 g.). Biysk : Altayskaya gos. akademiya obrazovaniya im. V.M. Shukshina, 2013. 286 s.
19. Gordeyeva M.A. Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya Tulinskogo volostnogo suda kak istochnik izucheniya krest'yanstva Zapadnoy Sibiri nachala KHKH v // Gumanitarn-yye nauki v Sibiri. 2016. T. 23, № 3. S. 107–111.
20. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti. F. D-78. Op. 1. D. 204.
21. Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK). F. 182. Op. 1. D. 85.
22. Karatygin YE.S. V strane krest'yanskikh tovarishchestv. Ocherk razvitiya tovarishcheskogo nachala v sel'skom khozyaystve Danii. 2-e izd., ispr. i dop. SPb. : Tipografiya Redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov, 1913. 165 s.
23. Henriksen I., Hviid M., Sharp P. Law and Peace: Contracts and the Success of the Danish Dairy Cooperatives // The Journal of Eco-nomic History. March 2012. Vol. 72, № 1. P. 197–224.
24. GAAK. F. 182. Op. 1. D. 146.
25. GAAK. F. 182. Op. 1. D. 84.

Информация об авторах:

Кириллов А.К. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX века Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

Почеревин Е.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Бийского филиала им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (Бийск, Россия). E-mail: pev2@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.K. Kirillov, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

E.V. Pocherevin, Biysk branch of Altai State Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: pev2@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 30.10.2024.*

*The article was submitted 26.06.2024;
approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 30.10.2024.*